

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2018-16-2-5-18

В. Н. Карпович

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

kkvvn@gmail.com

ЛОГИКА, МОРАЛЬ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Обоснован тезис о том, что моральные теории и практика должны удовлетворять минимальному логическому требованию непротиворечивости. Поскольку логика часто считается основным критерием рациональности, теоретические основы различных трактовок этики можно считать рациональными с точки зрения совместимости теоретических построений и их практической реализации.

Ключевые слова: мораль, этика, теория, практика, непротиворечивость, рациональность, логика.

В философской теории нормативных социальных наук, в частности этики и морали, есть точка зрения, что моральные суждения в принципе оценочны, как в форме прямых оценок, так и в оценочных восклицаниях по поводу фактического положения дел, а поэтому и не сводимы к описаниям. Тут достаточно вспомнить так называемую «гильотину Юма», где утверждается, что должностное из фактов вывести никак нельзя. А. Д. Айер известен тем, что на подобных основаниях исключал моральные теории из области науки – как он это обосновал в главе 6 своей книги «Язык, истина и логика», перевод которой опубликован в антологии «Аналитическая философия» (см.: [Грязнов, 1993. С. 50–66]). Основанием послужил тот факт, что оценки и моральные убеждения выводят за пределы оценки на истину, и если их и называют «истинными», то не в том же смысле, как утверждения о фактах.

Различие можно проиллюстрировать известным примером. Возможно оценить положительно тот факт, что Вальтер Скотт – автор романа «Вэверлей» (по каким-то причинам может нравиться,

что именно этот автор написал этот роман), но оценивать как хорошее или плохое тот факт, что автор «Вэверлея» является автором «Вэверлея», по меньшей мере странно, хотя, как известно, оба утверждения истинны (см.: [Черч, 1960. С. 15–63]).

Сравнительно простой факт заключается в том, что оценки и императивы не являются описаниями действительности, но выражением нашего отношения к ней или пожеланий по ее изменению. И вот здесь встает вопрос о рациональности или нерациональности. Это тоже оценка, однако не до конца ясно, на каких основаниях ее применяют, в частности, к этическим суждениям. Пока обратим внимание на то, что констатирующая тавтология про В. Скотта вида $a = a$ содержит только собственное имя человека, и очевидно истинна. Другая фраза, тоже про В. Скотта, но на этот раз как автора романа «Вэверлей», является описательной, и по этой простой причине ее оценка как истины может быть правильной или неправильной, что зависит только от исторических обстоятельств.

Сразу отметим, что рациональность описательных суждений бесспорно включает в себе возможность применения к ним логики (обычно в ее дедуктивном варианте, даже если речь идет о связи вероятностных суждений), т. е. в обосновании их со ссылками на общепринятое как на истину или на объективно истинное суждение. Рациональность логики заключается в особенности ее правил, которые сохраняют достоверность от посылок к заключению. Иначе говоря, если посылки принимаются, то и заключение должно быть принято, поскольку если посылки были истинными, то при выводе из них логических следствий мы получим также истинные утверждения. Когда следствия противоречат или не согласуются с посылками, мы получаем либо опровержение посылок по известному логическому правилу отрицания следствия, либо делаем вывод об иррациональности человека, который одновременно утверждает посылки (принимает, соглашается с ними), но не соглашается с логическим следствием из них.

Вместе с тем обычная (экстенциональная) логика требует некоторого изменения в отношении к ней (или изменению самой логики), чтобы использовать ее для оценок или пожеланий (императивов), поскольку оценки не двузначны – события делятся на плохие, хорошие и не оцениваемые никак, а императивы вообще нельзя квалифицировать как истинные или ложные. И хотя это в значительной мере утверждалось в основном «позитивистами», особенно в отечественной философской литературе, причем с отрицательным оттенком слова «позитивизм», этой классификации нельзя отказать в осмысленности разделений убеждений на три разные категории. Вот здесь-

то и возникает вопрос: в каком смысле можно (и можно ли вообще) считать моральные обоснования рациональными?

В принципе в этику и метаэтику, как часть этики в наиболее общем понимании, входят утверждения о том, что следует избегать противоречий между следующими элементами этической теории:

- убеждениями (логичность);
- целями и средствами (непротиворечивость, согласованность, последовательность);
- моральными суждениями и поступками (добросовестность);
- сходными оценками сходных поступков (беспристрастность).

Но как найти какой-то подход или метод для выбора моральных принципов, если не по истинности (т. е. приемлемости в силу адекватности смысла суждений принятым правилам оценки на истинность)? Обычно это делают по смыслу моральных суждений. Это может быть следование воле сверхъестественного существа (Бога); или другие методы – обращение к социальным конвенциям, личностным эмоциям или объективным истинам, как в интуитивизме. В последнем случае объективность просто совпадает с интерсубъективностью.

Проблема в том, что люди не могут все еще прийти к единому мнению по поводу истолкования моральных истин. Принципы согласования могут быть очень разные и предоставляют разнообразные возможности в этом плане. Примеры подходов: логичность, совестливость, единство оценок, золотое правило этики, и т. п. Эти идеи широко распространены, но нужно рассмотреть их более тщательно, в деталях, чтобы сознательно использовать при анализе моральных предписаний и определиться с тем, как их применить при различных методах анализа морали – и теми, кто считает источником морали религию, и другими, которые используют социальные конвенции, и т. д.

Приведем сходный пример. Большинство положений математики и логики очевидны и бесспорны. Известно, что $x + y = y + x$, или что условный силлогизм – если все A суть B , а все B суть C , то все A суть C – обеспечивает сохранение истины от посылок к заключению. Тем не менее вопрос об основаниях такой очевидности сам по себе не столь же очевиден. Возможно, это языковые соглашения, или объективные истины, или установленные сверхъестественными силами положения, а может, эмпирические истины? Философские ответы по этому поводу сильно расходятся, несмотря на единство мнений по поводу их истинности как логических и математических истин... Вполне возможно, с моральной последовательностью (согласованностью, непротиворечивостью) дело обстоит аналогично... Возможно,

что разные подходы к истолкованию морали никак не отражаются на признании общности самих моральных истин.

Несмотря на отказ некоторых теоретиков применять логику для оценки моральной теории, можно все-таки утверждать, что некоторые логические принципы к моральным теориям (этике) применимы. Особенное место здесь занимает логическая последовательность мысли, или сокращенно «логичность». Логичность представляет собой требование, чтобы мы были последовательны в отношении наших убеждений. Нарушение этого требования заключается в том, что можно соглашаться с убеждениями, которые противоречат друг другу (либо противоположны, противоречивы явным или неявным образом), или, как вариант, отказываться принимать убеждения, которые логически вытекают из тех, с которыми мы уже согласились.

Здесь нужны некоторые пояснения. С логической точки зрения минимальным требованием к системе убеждений является дедуктивное замыкание на их множестве. Иначе говоря, если вы согласились (приняли) с некоторыми убеждениями, то вы должны признать и все, что из них вытекает, и отвергнуть все, что им противоречит явным или неявным образом. Явное противоречие при этом представляет собой прямое отрицание, когда вы предворяете то, с чем вы ранее согласились, отрицанием. Например, согласившись с тем, что на улице дождь, вы тут же соглашаетесь и с отрицанием этого простого факта. Неявное противоречие может возникнуть, когда вы соглашаетесь с утверждением, которое прямо не отрицает исходного, но из исходного убеждения вытекает логически утверждение, с которым вдруг не соглашаетесь. Например, приняв за истину высказывание «Идет дождь», вы, тем не менее, готовы утверждать, что асфальт на улице сухой (при обычных обстоятельствах, т. е. при прочих равных, когда обычно асфальт в дождливую погоду мокрый). Противоречие здесь будет в том, что асфальт для вас должен быть мокрым и не мокрым одновременно. Именно в этих двух ситуациях – прямого и косвенного противоречия – убеждения считаются несогласованными *противоречивыми* для косвенного и *противоречащими* для прямого.

Теперь рассмотрим следующее, сугубо философское рассуждение о морали.

Моральные суждения многие считают относительными, откуда делают вывод, что моральные обязательства не могут быть всеобщими, распространяться на всех. Правильное в одном сообществе может оказаться неприемлемым в другом. Всеобщее долженствование невозможно. Отсюда заключение: релятивизм нужно признать как требование толерантности по отношению к другим взглядам и убе-

ждениям. Мы не можем однозначно сказать, что правы мы, а не те, кто с нами не согласен. Поэтому каждый должен уважать ценности и убеждения других людей.

Это рассуждение противоречиво в том отношении, что первое утверждение несовместимо с последним. Сначала говорится, что моральный долг не всеобщий, а потом – что каждый все-таки должен уважать ценности и убеждения других людей – что, по существу, само является моральным и всеобщим требованием. Действительно, если каждый, по моральным основаниям, ДОЛЖЕН уважать убеждения других людей (в частности, толерантность), то моральный долг представляет собой универсальное требование, что не согласуется с утверждением, что мораль всегда не универсальна.

Логичность запрещает противоречивые сочетания убеждений. Поэтому логическая последовательность требует отказа от каких-то убеждений при их непоследовательности (логической несовместности). Но при этом неизвестно, от чего именно следует отказаться, так как мы имеем дело с дедуктивным замыканием, т. е. на самом деле с бесконечным множеством утверждений, даже если кажется, что их мало. Это особенность логической непротиворечивости, когда выделяются базовые утверждения (принципы): несовместность запрещается, но при этом не говорится, в чем конкретно мы должны быть убеждены и как конкретно мы должны поступать в тех случаях, когда речь идет о следствиях.

Тем не менее непоследовательность может использоваться как исходная точка для критика моральных теорий. Предположим, что мы принимаем принцип, но затем кто-то указывает на его неправдоподобные последствия. Принимаем ли мы эти последствия? Если мы приняли сам принцип, но не соглашались с тем, что из него следует, тогда мы нарушаем принцип совместности и должны что-то изменить. Мы можем не соглашаться с другими людьми по поводу первых принципов, базовых убеждений, используя косвенный вывод «от абсурда (противоречия)». В частности, такую аргументацию можно использовать, чтобы показать моральную несостоятельность принципов, на которых построена система расистской идеологии.

По поводу соотношения моральных рассуждений и логики можно сформулировать относительно формальные требования, например, такие:

Если *A* и *B* логически не согласуются друг с другом, то нельзя соединить следующие два положения:

- Я считаю, что *A* верно.
- Я считаю, что *B* верно.

Если *A* логически влечет (имплицирует) *B*, то в данном случае нельзя соединить логически следующие два положения:

- Я считаю, что *A*.
- Я не верю, что *B*.

Допустим, что мы все-таки должны быть логически последовательными. Тогда придется ответить на вопрос, откуда взялось такое долженствование.

Здесь можно явным образом задать некоторые вопросы и сформулировать ответы о логичности моральных убеждений.

1. Содержит ли логичность требование доказать все наши убеждения?

На самом деле ответ отрицательный. Доказывать все не нужно, требуется только непротиворечивость, совместимость наших убеждений; для этого вовсе не нужно доказывать или осознавать все следствия из принятых убеждений. Это вообще невозможно, поскольку потребует бесконечной цепочки аргументации, когда каждая из посылок потребует доказательства на основе других убеждений, а значит, дополнительной аргументации.

2. Требуется ли логичность отказа от эмоционального отношения к действительности?

Нет, она требует только последовательности. Отношения к эмоциональности это не имеет. Эмоциональное отношение может быть выражено в непротиворечивой системе убеждений, а некоторые люди, не будучи эмоциональными, могут не видеть противоречий при их наличии и поэтому быть непоследовательными. Отсюда, вопреки распространенному мнению, ссылка на эмоциональность оценки не является свидетельством ее ошибочности.

3. Является ли логичность метаэтическим требованием или носит прямо нормативный характер (относится к нормативной этике)?

Ответ очевиден. Это и метаэтическое, и содержательное нормативное требование. Как требование последовательности убеждений – это нормативное требование рациональности наших моральных принципов (проверяемых на совместимость логикой). Вместе с тем его можно считать метаэтическим требованием рациональности при построении этической теории (непротиворечивость исходных положений). И понятно, что логические критерии в этом отношении двойственны, распространяются и на отдельные моральные положения в их связи, и в целом на этическую теорию.

4. Имеются ли исключения для обязательства по отношению к согласованности убеждений?

Да. Такая оценка неприменима, например, если мы психологически неспособны к последовательности идей (возможно, из-за какого-либо ментального дефекта) или ситуации, когда какое-либо более значимое обязательство препятствует выполнению нормы о логической последовательности (возможно, демон Декарта вводит нас в заблуждения либо «доктор Зло» уничтожит мир, если мы не допустим противоречивости по каким-то соображениям). Все наши обязанности по отношению к логической последовательности подчиняются неявным уточнениям применительно к некоторым ситуациям, что, кстати, вполне согласуется с возможностью паранепротиворечивых (параконсистентных) логик [Gensler, 1996. P. 15–39].

5. Обеспечивает ли согласованность моральных убеждений их достоверность?

Нет. Мы можем быть логически последовательными, но при этом ошибаться. Однако логическая последовательность часто указывает на истину, связана с ней, и во всяком случае, ведет к обоснованию достоверности заключений при истинности посылок. Предположим, что вы убили своего соседа и пытаетесь выдумать последовательную историю, чтобы скрыть следы. Если умный детектив исследует дело и допросит вас, вам будет трудно сохранить логическую последовательность и не впасть в противоречия – на этом построены все детективы с удачным концом. Обнаружение противоречий – это один из лучших способов найти истину по поводу преступления. Получается, что последовательность действительно указывает на истину, хотя и не гарантирует ее.

Помимо непоследовательности в убеждениях, возможна несогласованность намерений и поступков, т. е. выражения и воплощения своей воли. Это ведет к двум дополнительным требованиям к логической последовательности: согласованность цели и средств ее достижения, а также соответствия между словами и поступками.

Согласованность в данном случае означает, что мы соизмеряем средства и цели. Нарушение согласия здесь возникает, когда (а) есть цель, (б) есть понимание, что для достижения этой цели необходимо предпринять некоторые дополнительные действия и (в) эти действия не совершаются.

Например:

- Я хочу похудеть.
- Я считаю, что для похудения мне нужно меньше есть или больше тренироваться.
- Я при этом не соблюдаю диету (не ем меньше) или / и не упражняюсь в достаточной мере.

Если рассматривать все эти условия вместе, то последовательность требует, чтобы я что-то поменял – отказался от своей цели или убеждений либо выполнил программу упражнений и соответствующих ограничений на потребляемые калории.

Однако несогласованность целей и средств, как и несогласованность убеждений, является достаточно распространенным явлением. Люди склонны выполнять то, что легко сделать и ведет к немедленному удовлетворению желаний (съесть сладкое, вопреки установленной диете), и откладывать выполнение действий, ведущих к отдаленной и даже более важной цели. Но гедонистическая этика несовместима с этикой долга, просто по причине противоречивости конструкции (нерациональности).

Аристотель определил «человека» как «разумное животное»; однако люди несовершенны в этом отношении, и наше рациональное и животное начала постоянно борются друг с другом. Например, я могу принять какое-то твердое решение (бегать по утрам), но затем не исполнять его (откладывать исполнение). Или у меня может быть несколько несовместимых целей (учиться хорошо и при этом регулярно и подолгу посещать спортзал). Наконец, я могу оказаться просто недобросовестным.

Добросовестность – это требование, чтобы мы держали в согласии наши поступки и желания в гармонии с нашими моральными убеждениями. Мы нарушаем это соответствие, когда моральные убеждения не согласуются с тем, как живем мы сами и чего требуем от других.

Предположим, что я придерживаюсь пацифистской убежденности в том, что человек никогда не должен убивать человека, независимо от приводимых оснований для такого поступка. Добросовестность предполагает в этом случае, что (а) я никогда сам не убиваю намеренно, (б) я не убиваю человека независимо от каких-либо оснований (даже для защиты моей жизни или жизни моей семьи), и (в) я не хочу, чтобы другие убивали по какой-либо причине.

Пацифистский пример касается веры в «должное», но здесь содержатся и убеждения относительно того, что считать «правильным» и / или допустимым. Если я добросовестен, то я не буду думать, что все в порядке, когда я не согласен или не одобряю соответствующий поступок. И я не сделаю ничего такого, что не соответствовало бы моему убеждению в правильности совершаемого поступка.

Сформулированная императивно, добросовестность требует избегать несоответствий между вашими моральными суждениями и вашим образом жизни. Рассмотрим конкретный вариант проявления долженствования в идее добросовестности.

Не следует соединять два положения:

- Я считаю, что я должен сейчас совершить поступок А.
- Я не предпринимаю действий для реализации поступка А.

Если соединить эти положения (как люди и поступают по разным причинам), то наше моральное убеждение разойдется с нашим образом жизни, и формула последовательности требует, чтобы мы что-то изменили в этом случае.

Обратим внимание, что императив «Мы должны следовать нашей совести» можно трактовать двояко.

1. Мы должны избегать несоответствий между нашими моральными убеждениями и нашими поступками.

2. Мы должны безусловно доверять голосу совести – если мы считаем, что мы должны поступить определенным образом, то долженствование нужно реализовать.

При этом надо обратить внимание, что второе толкование имеет странные последствия. Из него следует, что в том случае, когда мы считаем, что должны совершить массовое убийство, то мы должны действительно это сделать. В этом отношении первое толкование лучше, поскольку запрещает лишь рассогласование убеждений и поведения, а если они разойдутся, то что-то неправильно либо в убеждениях, либо в поступках.

Вот аналог согласованности: «Поступай так, как ты советуешь другим». Это значит, что нельзя придерживаться одновременно следующих двух положений:

- Я считаю, что все должны совершить (в соответствующих обстоятельствах) поступок А.
- Я сам не поступаю (при тех же обстоятельствах) описанным образом.

Это конкретный случай общего требования избегать несоответствий. Здесь не предполагается, что наши принципы верны, и поэтому, если мы проповедуем ненависть к другим людям как универсальное правило, другие, с нашей точки зрения, тоже должны нас ненавидеть. Однако в предложенной трактовке нет такого, она лишь говорит о том, что надо избегать несоответствий между принципами и поступками, и если такое обнаружится, то что-то неправильно либо в принципах, либо в поступках. Представляется, что именно в этом состоит идея так называемого «рефлексивного равновесия» в суждениях о морали, которую предложил Ролз в отношении справедливости [1995. С. 55–57].

До сих пор добросовестность рассматривалась как разновидности согласованности моральных убеждений и поведения. Оставим пока

вопрос о логическом или внелогическом характере такого соответствия и будем рассматривать его в более общем плане, как вариант совпадения или согласованности слов и поступков.

Предположим, мои моральные убеждения конфликтуют с моим поведением. Сторонники так называемой прескриптивистской этики (способа толкования трактовки моральных правил исключительно как императивов, а не суждений) утверждают, что мы имеем дело с неправильным употреблением правила логической непротиворечивости (о чем свидетельствует злоупотребление термином «должно», скрывающим простую команду «делай так», тогда как команды не могут противоречить друг другу – у них другой статус) (см.: [Этика, 2001. С. 387–388]).

Можно отметить и другие аспекты описанной ситуации, например, сказать, что обязанность соблюдать соответствие поведения и моральных убеждений представляет собой отступление от добросовестности. В принципе долженствование может быть основано на социально принятой конвенции, собственных идеалах человека, из богоугодных предписаний или из самоочевидных истин. Во всех перечисленных случаях отступление от добросовестности может трактоваться как неправомерный разрыв между моральными убеждениями и поведением, причем неправомерность будет необязательно логической, т. е. противоречием или логической непоследовательностью, оно может быть несоответствием слов и поступков.

Последовательность зачастую представляет полезное возражение против неприемлемых моральных принципов. Допустим, что принят принцип «Всех людей маленького роста нужно бить просто по той причине, что у них маленький рост». Такой принцип обязывает меня к допустимости некоторых поступков. Например, пусть я согласен с утверждением:

Всех людей маленького роста следует бить просто по той причине, что у них маленький рост.

Тогда, просто из обязанности быть последовательным, я должен *признать*, что, если бы я был маленького роста, *меня следовало бы избивать*.

И я должен *желать*, чтобы, если бы был маленького роста, меня бы регулярно били.

Если же я не думаю так и не желаю этого, то я непоследователен и мои моральные принципы противоречивы.

Применим рассмотренные положения к сторонникам дискриминации людей по каким-либо признакам.

Чтобы узнать, как использовать согласованность, давайте представим, что мы оспариваем тезис, что ко всем чернокожим следует относиться плохо. Пусть «плохо относится к X» – это сокращение, и вместо X можно подставить разные виды расистских предрассудков, например, «поработить X» или «оскорблять X и держать X на низкооплачиваемых работах».

Расист скажет: «К черным следует относиться плохо, потому что они неполноценные». Как мы можем ему ответить? Нужно ли нам оспаривать его фактические предположения и сказать: «Все расы генетически равны»? Или мы должны противопоставить ему наш собственный моральный принцип и сказать: «С людьми всех рас следует обращаться одинаково»? Любая стратегия, вероятно, приведет к тупиковой ситуации, в которой ни одна из сторон не сможет убедить другую. Вместо этого я предлагаю четко и ясно сформулировать расистский аргумент, а затем посмотреть выражение его лица. Очевидно, что вывод этого умозаключения относится к вопросу о том, как следует обращаться с чернокожими. Его посылка формулируется так: все чернокожие недоразвиты. И еще ему нужна посылка, что со всеми недоразвитыми людьми следует обращаться плохо. Тогда его аргументация выглядит следующим образом:

Все черные неполноценны.

Ко всем, кто неполноценен, следует относиться плохо.

Значит, ко всем чернокожим следует относиться плохо.

Чтобы прояснить вопрос, нам нужно понять, что означает «неполноценный». Почему мы относим человека в эту «низшую» группу «неполноценных»? Что это: IQ¹, образование, богатство, физические силы или что-то еще? Предположим, что вопрос решается с помощью измерения IQ. Допустим, «неполноценность» означает «IQ меньше 80». Здесь мы просто перешли от непонятной оценки «неполноценность» к операциональному определению полноценности через соответствующий показатель IQ.

При такой операционализации расистский аргумент превращается в следующее умозаключение:

Все черные имеют IQ менее 80.

Ко всем, у кого IQ менее 80, следует относиться плохо.

Значит, ко всем чернокожим следует относиться плохо.

Как только расист принимает такое уточнение (операционализацию) понятия «неполноценный», становится ясно, что его деление на «полноценных» и «неполноценных» проходит не по расовым груп-

---

¹ Коэффициент интеллекта.

пам, а поперек них. У каждой расы найдутся представители как с IQ менее 80, так и с IQ больше 80. Получается, что первая посылка явно ложная.

При этом мы можем напомнить расисту, что его вторую посылку можно отнести и к белым:

Ко всем, у кого IQ менее 80, следует относиться плохо.

Значит, ко всем белым, у которых IQ менее 80, следует относиться плохо.

Чтобы быть последовательным, в этой ситуации оппоненту нужно согласиться, что он должен плохо относиться к белым с недостаточным значением IQ (из-за того, что считает, по новому определению, правильным именно и только по этой причине плохо относиться к черным). Причем не только он сам должен плохо относиться к этим белым, но и предписывать другим белым подобное отношение – в частности, к нему самому. Однако расист не желает признавать такие последствия своего принципа и в этом случае допустит непоследовательность. Чтобы восстановить согласованность принципов и поведения, он должен либо принять его принцип, либо принять его следствия в отношении белых и самого себя.

Такая стратегия критики моральных принципов на примере расистских аргументов состоит из трех шагов.

1. Сформулировать аргумент ясным образом. Посылки должны быть явно выделены посредством соответствующих лингвистических средств, и заключение должно следовать из посылок достоверно.

2. При необходимости надо оценить на истинность фактические (не императивные) посылки.

3. Определить, последовательно ли оппонент применяет свой моральный принцип, особенно в отношении его собственной расы (в нашем примере белой).

Если вывод расиста о том, что со всеми чернокожими (или людьми другой расы) следует обращаться плохо, то понадобится критерий, чтобы разделить расы понятным и достаточно легко различимым образом, так что все черные окажутся в одной категории, а все белые – в другой. IQ для этого не подходит, и вряд ли можно отыскать другой подходящий критерий. Эти логические основания совместно с обязанностью быть последовательным опровергают большинство расистских аргументов (дополнительные соображения см.: [Gensler, 1996. P. 158–165]).

Предположим, расист отказывается от своего аргумента «неполноценности», но все же хочет сохранить свое отношение к черным. Теперь он утверждает, что даже простой факт различия в цвете кожи

достаточен для разницы в отношении к человеку. Поэтому он настаивает на принципе: «Следует плохо относиться ко всем чернокожим из-за их цвета кожи».

Но опять можно задействовать идею последовательности. Как последовательно в данном случае опираться на цвет кожи? Расисту придется изменить свое отношение к черным альбиносам, поскольку у них светлая кожа, и к белым, у которых слишком темный загар.

И если кто-то придумал бы косметику под названием «Белая-белая кожа», которая надолго превращает черную кожу в белую, то расист должен был бы дискриминировать только тех бывших чернокожих, которые не пользуются этой косметикой. Более того, расисту придется согласиться с тем, что если бы он и члены его семьи родились бы черными, то с ними не только можно, но и должно обращаться плохо.

А еще ему можно было бы рассказать придуманную Хэаром [Hare, 1963. P. 218] историю о том, как некие вирусы или бактерии регулярно превращали бы белых в черных и наоборот. Захотел бы расист, чтобы с «новыми белыми» обращались хорошо, а с «новыми черными» – плохо? Подобными вопросами можно показать, что моральные убеждения расистов неправильны, потому что непоследовательны.

Итак, обращение к логической последовательности часто полезно в моральных спорах. Такое обращение действительно, так как не предполагает самих содержательных моральных предпосылок (которые другая сторона может отвергнуть), а просто указывает на проблемы в системе убеждений и трудности в последовательном использовании этих предпосылок.

Все это показывает, что рациональность, как минимум в форме требования логической последовательности рассуждений, существенно связана с моральной аргументацией, причем примерно в той же степени, как внелогические аксиомы геометрии или арифметики связаны с дедуктивной структурой этих наук. Нужно теперь ответить на следующий вопрос: имеются ли особые связи между элементами понятийного аппарата этической теории, сходные с таковыми в математических или естественных науках.

Список литературы

Грязнов А. Ф. Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

Черч А. Введение в математическую логику. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

Этика // Энциклопедический словарь / Под ред Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.

Gensler H. *Formal Ethics*. London: Routledge, 1996.

Hare R. M. *Freedom and Reason*. Oxford: Clarendon Press, 1963.

Материал поступил в редколлегию 02.04.2018

V. N. Karpovitch

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nilolaev Str., Novosibirsk. 630090, Russian Federation*

kkvvn@gmail.com

LOGIC, ETHICS, AND RATIONALITY

The article offers the thesis that moral theories and practice should satisfy the minimal logical requirement of consistency. Since logic is often considered the main criterion of rationality, the theoretical foundations of various interpretations of ethics can be considered rational in this respect.

Keywords: morality, ethics, theory, practice, consistency, rationality, logic.

References

Church A. *Vvedenie v matematicheskuyu logiku [Introduction to Mathematical Logic]*. Moscow, Izdatelstvo inostrannoi literatury, 1960. (In Russ.)

Etika [Ethics]. *Entsiklopedicheskii slovar [Encyclopaedic Dictionary]*. R. G. Апресян, А. А. Гусейнов (eds.). Moscow, Gardariki Publ., 2001. (In Russ.)

Gensler H. *Formal Ethics*. London, Routledge, 1996.

Gryaznov A. F. *Analiticheskaya filosofiya: Isbrannye teksty [Analytical Philosophy: Selected Texts]*. Moscow, Izdatelstvo MGY, 1993. (In Russ.)

Hare R. M. *Freedom and Reason*. Oxford, Clarendon Press, 1963.

Rawls J. *Teoriya spravedlivosti [A Theory of Justice]*. Novosibirsk, 1995. (In Russ.)